

Лу Цяньтан увидел, как один солдатик с миской лапши вбежал в палатку, крича:

— Лапша пришла, лапша пришла! Я стырил пару яиц из соседнего лагеря, они до сих пор гоняются за мной, чтобы вернуть! Какие жмоты!

Лу Цяньтан не сдержал смеха:

— Ты ещё и яйца украл? Серьёзно?

Цинь Хуаньлин принял миску и сказал:

— Что значит украл? Позаимствовал! Мы все одна семья, их — значит наши. Главарь, ешь свою лапшу и не лезь не в своё дело, а то ещё нашумели — мы их прогоним.

Лу Цяньтан взглянул на эту довольно простую миску лапши, и настроение у него почему-то стало удивительно хорошим. Он даже нашёл время, чтобы показать им большой палец:

— Ладно, очень вкусно. Руки у вас золотые.

Тот солдатик самодовольно усмехнулся:

— Честно говоря, я раньше в ресторане работал. Всё остальное не умею, а готовить — это...

Он не успел договорить, как его тут же осадили:

— Да брось ты! Жалкая лачуга в пару цуней шириной, и ты рестораном называешь? Не стыдно?

— Что с вами такое? Я просто хотел создать для нашего заместителя атмосферу роскоши! Не портите настроение.

— А хвастовство теперь так называется? Это что, как треснувшую чашку позолотить?

— Сам ты треснувшая чашка! Катись отсюда.

Лу Цяньтан ел лапшу, слушая их перепалку, и вдруг вспомнил прошлый день рождения. В тот день, кажется, он не ел лапшу, зато много выпил.

Он перестал есть и какое-то время тупо смотрел на дно миски, вспомнив ещё, что тогда здорово набуянил. В тот момент ему необходимо было выговориться, он говорил всё, что приходило в голову, и делал всё, что хотел. Только сейчас, вспоминая, он чувствовал себя крайне неловко.

Лу Цяньтан смущённо кашлянул, быстро доел лапшу и отодвинул миску:

— Миска-то слишком большая, ел долго. Вино ударило в голову, пойду прогуляюсь.

Цинь Хуаньлин схватил его и потянул обратно:

— Куда это ты собрался? Неужто миска лапши заставила нашего заместителя рыдать и раскаиваться, что он стегал нас плетью?

Лу Цяньтан фыркнул:

— А ты попробуй, нарушь устав в следующий раз, посмотрим, буду я раскаиваться или нет.

Цинь Хуаньлин продолжал дурачиться:

— Да нет, мы не будем нарушать воинскую дисциплину. Главарь, давай поболтаем, возможность посидеть вместе за вином выпадает нечасто.

Лу Цяньтан, увидев его хитрющее выражение лица, понял, что тот что-то замышляет, и развалился на месте:

— Ладно, что ты хочешь у меня выведать?

Цинь Хуаньлин подобострастно налил ему вина:

— Что ты такое говоришь? Просто поболтаем, какое там выведывание? Главарь, ты меня неправильно понял.

В военном лагере одни мужчины, говорят обо всём подряд. Наверное, слухи о его драгоценном кольце лучника уже с невероятными преувеличениями разнеслись по всему лагерю.

Но, к сожалению, Лу Цяньтан не собирался щедро делиться этим со всеми и безжалостно подавил любопытство этих людей. Под предлогом, что ему нужно протрезветь, он неспешно вышел подышать прохладным воздухом, не обращая внимания на то, что у них внутри всё чешется от любопытства.

Ночной ветер на северо-западе к вечеру стал ледяным и резал лицо. В обычные дни, занятый военными делами, у Лу Цяньтана редко была возможность разобраться с прошлыми мелочами. Но как только в голове начинала проклёвываться какая-нибудь память, бесчисленные обрывки воспоминаний неудержимо нахлынули вместе с ней.

Лу Цяньтан даже вспомнил кое-какие романтические истории, которые когда-то слышал в театре. Он глубоко вздохнул, сел прямо на землю, взглянул на тусклую луну, висящую у края неба, зачерпнул горсть такого же желтовато-серого песка и, наблюдая, как тот просачивается сквозь пальцы, подумал: «Неудивительно, что о Его Высочестве князе Цзине, которого все называют слабым и болезненным, ходит столько слухов. Лицо у него и вправду красивое, действительно может заставить человека постоянно о нём вспоминать».

Канун Нового года в посёлке Гулу был особенно оживлённым. С самого утра жители посёлка несли им в лагерь вино, мясо и еду. На ограде лагеря тоже в какой-то момент оказались повязаны красные ленты с пожеланиями удачи. Когда стемнело, несколько девушек даже прибежали к лагерю с аккордеонами и бубнами, чтобы потанцевать для них. Девушки здесь были такими же, как и этот посёлок — живыми и прямодушными, на них было куда меньше оков светских условностей, и эта красота, взращённая ветром и песком, была естественной и яркой.

Лу Цяньтан не стал им мешать, наблюдая за танцами и песнями молодых девушек издалека. Не было костра, лишь бледная зимняя луна и несколько огней лагеря. Песни разносились по пустынной степи, казалось, давая пристанище всему одиночеству.

Когда девушки закончили танцевать, откуда ни возьмись выскочила кучка подростков, поставили у лагеря какие-то бамбуковые корзины и закричали им:

— Это новогодний ужин от посёлка Гулу! Давайте вместе встретим Новый год!

Беспорядочные крики потонули в непрерывных хлопках петард, отблески которых залили

полнеба алым светом.

Те, кто обычно любил дурачиться и валять дурака, сейчас стояли на удивление тихо, неясно, о чём они все думали.

Лу Цяньтан смотрел на удаляющихся юношей и девушек и, кажется, немного понял то, о чём когда-то говорил его отец.

То, что он защищает, бесценно.

Не успел глазом моргнуть, как снова наступила весна, и за окном бутоны абрикосов уже распускались. Они одержали блестящую победу, но при дворе не было никакого движения, лишь награды для войск, присланные в конце года. Кроме этого, даже намёка на то, чтобы вызвать их в столицу для получения наград, не было.

Лу Цяньтан, впрочем, не волновался. Когда-то, служа при дворе, он знал отношение императора к этому князю Ляну. Хотя он давно не был в курсе дел при дворе, он предполагал, что наследный принц, должно быть, скоро взойдёт на престол. А для наследного принца наибольшей угрозой был как раз этот князь Лян, которого поддерживает семья Яо.

Император, подавляемый Яо Чжаном, а значит, и всей семьёй Яо, сдерживал эту обиду десятки лет. Независимо от того, обладал ли Сяо Хуаймин талантами правителя, думается, император не хотел видеть его на этом месте.

Если Сяо Хуаймин взойдёт на престол, благородная супруга Яо станет второй императрицей Яо, и Поднебесная сменит фамилию.

Однако сейчас наследный принц опирается на Жао Сысина, и ему не нужно слишком бояться напора старшего советника Яо. Говорят, Жао Сысин и наследный принц — довольно дальние родственники по материнской линии. Мать благородной супруги Ци была из семьи Жао, дядя благородной супруги Ци в молодости сражался вместе с покойным императором, три поколения их семьи сложили головы на поле боя. Жао Сысин был самым выдающимся среди трёх поколений дедов и внуков, ещё в молодости прославился военными подвигами. Думается, он и сам не ожидал, что теперь станет самым большим зонтиком для будущего правителя государства.

Сяо Хуаймин отнюдь не был посредственностью, но он был слишком вспыльчив и нетерпелив, с детства привык к высокомерию, ни на кого не смотрел свысока, наговорил немало хвастливых слов, да и речи, полные непокорства, тоже говорил, действовал совершенно без чувства меры.

Его светлость князь Лян из-за того, что из Ингао всё не приходил императорский указ, не раз приходил в ярость. Мог прямо в военном лагере разнести будущего правителя государства в пух и прах — наверное, во всей Поднебесной только один Сяо Хуаймин был на это способен.

Всё остальное было ещё куда ни шло, Лу Цяньтан мог во всём с ним соглашаться. Вспоминая опыт обхождения с тем, из резиденции князя Цзиня, угодить этому было и вовсе проще простого. Но такие непокорные речи мог произносить Сяо Хуаймин, а Лу Цяньтан не смел — он не хотел навлечь на себя беду из-за болтливости.

В Лянгунь было беспокойно, но и в Ингао тоже не было тихо.

После Нового года император слег и не вставал с постели. К марту стало видно, что дело плохо. Наследный принц ежедневно ухаживал за ним и практически полностью взял на себя

государственные дела. Восшествие на престол было не за горами.

Сам император чувствовал, что тело его не выдерживает, и уже готовил указ о передаче престола. Князь Лян был далеко в Лянгунь, и, казалось, всё было на сто процентов безопасно. Однако в самом начале апреля князь Юй повёл столичную гвардию на штурм дворца, подняв мятеж.

Сяо Цинму ранее говорил, что Сяо Юаньшэн слишком сблизился со столичной гвардией, и много раз явно и неявно пытался вразумить наследного принца. Поначалу наследный принц не придавал этому значения. Сяо Цинму думал, что, возможно, он не считает этого сводного брата Сяо Юаньшэна какой-то угрозой, но когда столичная гвардия взяла под контроль зал Шиань, наследный принц по-прежнему сохранял спокойствие и уверенность.

Только когда наследный принц бросил к ногам Сяо Цинму свою всегда очень любимую наложницу, Сяо Цинму вдруг понял — наследный принц уже давно знал, что рядом с ним внедрили человека.

Сяо Лицун был спокоен и совершенно игнорировал бурлящие за стенами дворца войска:

— Теперь я понимаю, что то благовоение Цинхуань изначально было направлено на меня. Яд в твоей пище был нужен, чтобы ты долго болел и не мог поправиться, но случайно повредил твои глаза. Цижунь, угадай, чей человек эта моя наложница?

Сяо Цинму смотрел на стоящую на коленях в зале наложницу и не спеша произнёс:

— Сейчас она выглядит так, будто ничего не боится. Что, знает, что кто-то передал весть в Лянгунь? Или... твой князь Лян скоро вернётся?

Выражение лица Сяо Лицуна помрачнело:

— Он не вернётся. Их переписку я приказал перехватить.

<http://bllate.org/book/16145/1445957>